

Небесно-апокалиптический Христос

Москва, 9 октября 2012 г.

Введение

Мы привыкли к тому, что в исследованиях об Иисусе естественным образом рассматривается образ и история земного Иисуса. Однако более чем столетняя история этих исследований не привела к ожидаемым результатам¹, а согласно Герду Тайсену, их итогом явилось возникновение определенного скепсиса², ввиду чего современные исследования едва ли не принуждены вернуться к истокам, чтобы, возможно, начать новую эпоху в исследованиях Иисуса, ставя перед собой иные цели³.

В ином положении находится исследование так называемого небесного Христа. С одной стороны, на этой области в гораздо меньшей степени сосредоточено внимание исследователей, а с другой стороны, от нее заведомо ожидают небольшого результата, поскольку считают ее такой более или менее фиктивной темой и областью, из которой можно извлечь мало аутентичного и ценного для исследований Иисуса. Верно, что исследование небесного Христа опирается на такие визионерские и пророческие источники и традиции⁴, которые лишь в небольшой степени могут претендовать на историческую проверяемость⁵. Однако фигура небесного Христа – как часть новозаветной христологии – также является составляющей развития богословской мысли новозаветной Церкви и сущностной опорой ее эсхатологических упований⁶ и поэтому не может быть оттеснена на периферию новозаветных исследований и тем более забыта.

В этом убеждении мы приступаем к рассмотрению обозначенной темы. В нашем исследовании нам могут помочь такие касающиеся сути проблемы вопросы, как, например: Существовал ли в апостольской Церкви не только образ земного Иисуса, но и определенный образ небесного Христа⁷? Если да, были ли эти образы

¹ Ср. интервью Йоахима Гнилки в: Testben éünk. Szeged, 2011. P. 287-288 (281-301).

² Theissen G., Merz A. Der historische Jesus. Goettingen, 1996. S. 96ff.

³ Ср. Telford W. R. Major Trends and Interpretive Issues in the Study of Jesus. In: Studying the Historical Jesus. Evaluations of the State of Current Research. Bruce Chilton, Craig A. Evans (ed.). Leiden-Boston-Koeln, 1998. P. 33-74.

⁴ Причина относительного характера исследований небесного Христа состоит в том, что в то время как исследование «исторического Иисуса» может рассчитывать на конкретные традиции и данные, с помощью которых речи и деяния земного Иисуса могут быть реконструированы сравнительно аутентично, фигура, речи и деяния небесного Христа могут быть составлены из таких указаний, которые представляют собой частью пророческие высказывания о Самом Себе Иисуса, частью же апостольские высказывания подобного же рода, которые вынуждены опираться на некоторые более ранние церковные апокалиптические традиции, предчувствия или визионерские переживания. Конечно же, их историческая ценность может оспариваться.

⁵ Theissen G., Merz A. Der historische Jesus. S. 101.

⁶ Проблема подхода, возможно, проистекает из того, что данный вопрос относится к сфере исследования не только христологических, но и апокалиптических тем.

⁷ Эти вопросы давно поставлены исследователями Нового Завета, но даваемые на них ответы весьма различны. Тенденция была, скорее, такова, что исследовался вопрос о том, кто заступил в вере и богословии древней Церкви на место исторического Иисуса: мифический образ Сына Божия или

всегда одинаковы? Или насколько один отличался от другого? Ощутимо ли некое хронологическое развитие от одного образа к другому, то есть, например, апокалиптизируется ли все более к рубежу веков образ земного Иисуса в связи с задержкой парусии и растущим давлением гонений на христиан? И какие вообще мы можем выявить в речах исторического Иисуса указания на Его собственное небесное (эсхатологическое) существование? Как представлена фигура небесного Христа в христианской визионерской литературе и в апокалиптике? Какую роль отводит небесному Христу апостольская эсхатология? Какими символами она Его наделяет? И есть ли у небесного Христа религиозно-исторические прототипы или параллели – например, в Ветхом Завете или межзаветном иудейском богословии, а может быть, и в эллинистическом религиозном мире?

Для того, чтобы мы могли приблизиться к апокалиптическому Христу эфесского Иоанна и его Церкви, все эти вопросы должны быть нами тщательно рассмотрены.

1. Указания земного Иисуса на небесного/апокалиптического Христа

Из евангельских сообщений мы знаем, что земной Иисус иногда говорил о Своей небесной экзистенции и предвосхищал Свою эсхатологическую судьбу. Это можно увидеть во многих местах и при рассмотрении многих тем. Он говорил о Своем небесном предсуществовании, о Своем Царстве не от мира сего, Он называл Бога Своим Отцом небесным, к которому Ему предстоит отойти, и учеников Своих обещал привести в Отчий дом. То есть он считался не только со Своей смертью, но и с воскресением, вознесением, или, точнее, с возвращением в небесную область. Этот фон становился все более и более ощутимым в Его речах и поучениях. В то же время Он многократно касался того, что в последнее время на облаках небесных с ангельскими воинствами появится Сын Человеческий (Он говорил о Себе), и все увидят, как Он принесет миру приговор или осуществит апокалиптическое правосудие⁸. Это означает, что Иисус осознавал, что за пределами Его земной экзистенции была, есть или будет и небесная экзистенция, которая в определенный исторический момент будет играть главную роль в драматических или даже трагических событиях космического масштаба⁹.

2. Указания апостольской Церкви на небесного Христа

В апостольской Церкви подлинно церковная богословская работа начинается после воскресения и вознесения Иисуса. Когда апостольская Церковь конституировалась, важным ее элементом стало осознание того, что Иисус был не просто историческим лицом, которое жило, учило, умерло, но и такой личностью, которая в настоящее время посредством Духа присутствует в Церкви, находясь в действительности у Отца. Это богословское убеждение нашло выражение в многочисленных апостольских образах, видениях, понятиях, гимнах или же

иной, так называемый керигматический Христос? Ср. Bultmann R. *Das Verhaeltnis der urchristlichen Christusbotschaft zum historischen Jesus*. Heidelberg, 1965. S. 6ff.

⁸ На это указывают образы синоптического апокалипсиса (ср. Мф 24, 33 – 34) или притча о плевелах (Мф 13. 41 – 43).

⁹ Вопрос лишь в том, насколько все это можно считать восходящим непосредственно к Иисусу, а насколько здесь уже отразился взгляд учеников и традиции. Ср. Theissen G., Merz A. *Der historische Jesus*. S. 448-449.

апологетических утверждениях. Развитие могло осуществляться в двух направлениях или фазах: 1. Первое представляет собой церковную дефиницию Христа, задачей которой было подчеркнуть, что Иисус жив¹⁰, находится одесную Отца, и поэтому к Нему можно прибегать и Ему можно поклоняться как живому Господу. 2. Другая линия, возможно, формируется ввиду конфликтов с миром, когда Церковь в условиях внешнего давления и опасности апокалиптизировала небесного Христа и охотно вспоминала такие высказывания земного Иисуса, в которых Он Сам говорил о Своей эсхатологической роли. Здесь ожидания конца мира и космические катастрофы были соединены с парусией небесного Христа, в ходе которой от Него ожидали исполнения доминирующих, хотя и резко драматических ролей. Наиболее сильным здесь, вероятно, оказывается свидетельство ап. Павла, который однозначно говорит о превознесении и парусии¹¹ Иисуса, но более о конечном суде¹², при описании которого он обильно пользуется элементами из иудейской апокалиптики¹³.

Из этих и им подобных указаний можно видеть, что для апостольской Церкви и для авторов новозаветных посланий существование и апокалиптическая роль небесного Христа были мощной надеждой и реальностью веры. Неудивительно поэтому, что по мере того, как приближающаяся к рубежу веков Церковь оказывалась под все большим общественным и государственным давлением, все более частой темой становилось и ожидание возвращения Христа. Вместе с этим, в центре внимания Церкви той эпохи все более оказывалась фигура небесно-апокалиптического Христа – в тех именно красках и вариантах, которые, в конце концов, нашли воплощение в книге Откровения как памятнике «официальной» церковной апокалиптики.

3. Образы небесного Христа

Изображение апокалиптического небесного Христа чрезвычайно пластично. С одной стороны, мы видим Иисуса в нескольких ролях на небесах, с другой стороны, сам Тайнозритель формирует образы и облачения Иисуса в соответствии с этими ролями. Неудивительно, что Иисус предстает перед нами сразу в нескольких формах.

3.1. Роль (мирового) владыки

¹⁰ Известно видение Стефана, когда он созерцает небесного Христа, стоящего одесную Отца (Деян 7. 55 – 56). Подобно ему и исповедание Петром небесного Христа, Который был вознесен десницей Божией и излил на Пятидесятницу Святого Духа – согласно ему, Иисус именно таким образом стал воистину Господом и Христом (Деян 2. 33 – 36). В другом случае Петр говорил о том, что Бог послал Иисуса в качестве Мессии, Которого, однако, небо должно было принять до тех пор, пока не осуществится совершение всего (Деян 3. 20 – 21). Более того, Петр и перед Синагогом исповедует, что Бог возвысил десницею Своею Иисуса в Начальника и Спасителя (Деян 5. 30 – 31).

¹¹ Ср. Фил 2. 9; 3. 20 – 21; 1Фесс 1. 10; 4. 16 – 18; 1Кор 15. 23 – 28, 45 – 49. Ср. также прочие указания апостольских посланий на восхождение и нисхождение, а также возвращение и эсхатологическую роль небесного Христа: Еф 4. 8 – 10; Евр 2. 9; 4. 14; 6. 19; 1Тим 3. 16; Кол 3. 1 – 4; 1Пет 3. 21 – 22; 2Пет 3. 4, 8 – 13; 1Ин 3. 2 и т. д.

¹² Ср., напр., Деян 17. 31; 2Кор 5. 10.

¹³ Ср. De Boer M.C. Paul and Jewish Apocalyptic Eschatology. In: Apocalyptic and the New Testament. FS J.L.Martyn. Ed. by J.Marcus, M.L.Soars. Sheffield, 1989. P. 184-185.

К апокалиптическим христологическим титулам в первую очередь относятся те, что указывают на господство, в том числе и над всем миром: ГОСПОДЬ (κύριος), ЦАРЬ (βασιλεύς), ВЛАДЫКА (ἄρχων). В Апокалипсисе мы можем наблюдать интересную интенсификацию, или, выражаясь иначе, максимализацию этих титулов: *Господь господствующих* (κύριος κυρίων: 17. 14; 19. 16), *Царь царей* (βασιλεύς βασιλέων: 17. 14; 19. 16), *Владыка царей земных* (ὁ ἄρχων τῶν βασιλέων τῆς γῆς: 1. 5). Встречается и комбинация этих титулов. Это является важным свидетельством того, что иоанновская церковь причисляет Иисуса к наивысшей категории мирового господства и в соответствии с этим и почитает Его. Господственные титулы частично относятся к земной категории, частично же проявляются в небесных, эсхатологических измерениях. Это богословское видение ставит Иисуса как в земной, так и в небесной категории на высочайшее место вслед за Богом/Отцом Творцом и Вседержителем.

3.2. Владыка жизни и смерти

Неотъемлемой частью земной жизни Иисуса было то, что он умер крестной смертью. Эта истина в иоанновской церкви бытовала в разных вариантах. Тайнозритель квалифицирует Иисуса как Того, Кто был *мертв* (νεκρός), но *ожил*, то есть воскрес (ἔζησεν), и *жив во веки веков* (ζῶν εἰμι εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων). Это было дополнено и тем, что Иисус в действительности есть *Первенец из мертвых* (πρωτότοκος τῶν νεκρῶν: 1. 5)¹⁴. Здесь мы видим и указание на то, что Иисус первым победил смерть, и адресованное преследуемой и находящейся в смертельной опасности Церкви свидетельство о том, что выход и победа (как в земной, так и в эсхатологической перспективе) – в Иисусе¹⁵.

3.3. (Новая) царская Отрасть Давида – Осуществитель иудейских ожиданий

Известно, что Иисус еще при жизни относил к Себе так называемые Давидовы обетования (ср. 2Цар 7. 12 – 13; Мф 22. 41 – 45). Речь здесь, прежде всего, шла о том, чтобы подтвердить, что Он есть Отрасть семени Давида (Мф 1. 1 – 17; Лк 4. 23 – 28), к Которой относятся пророчества (ср. Мих 5. 2; Мф 2. 5 – 6) и Которая и далее ведет к исполнению идеи царства Давида – но не в соответствии с мечтами иудейского народа о царском золотом веке, а намного глубже: в смысле нового эсхатологического или даже космического освобождения (Пс 109. 1; 1Кор 15. 23 – 28). Иоанновская церковь охотно вспоминала об этом и интенсивно выражала это в своем богословии, применяя соответствующие слова: Иисус есть *корень Давидов* (ἡ ρίζα Δαβίδ: 5. 5), *корень и потомок Давида* (ἡ ρίζα καὶ τὸ γένος Δαβίδ: 22. 16), Он имеет *ключ Давидов* (τὴν κλεῖν Δαβίδ: 3. 7), Он – *лев от колена Иудина* (ὁ λέων ὁ ἐκ φυλῆς Ἰούδα: 5. 5), *звезда светлая, утренняя* (ὁ ἀστὴρ ὁ λαμπρὸς ὁ πρωϊνός: 22. 16). Этот иудейский царский фон небесного Христа заключал в себе старые мессианские надежды, но открывал в них значительные эсхатологические

¹⁴ Акцентирование этого было, вероятно, важным для Церкви рубежа веков, потому что об этом же говорит в гимнической форме и приподнятом стиле Кол 1. 15 и 1. 18.

¹⁵ Интересно, что воскресение в третий день (ср. известную Павлову формулу «по Писаниям»: 1Кор 15. 3 – 5) здесь не играет особо значительной роли – скорее, теми категориями, в которых Иисус обладает вечной позицией, являются эсхатология и вечность, поэтому и Его Церковь может надеяться на эту вечную позицию жизни. Понятно, почему «Живой» (1. 18: ὁ ζῶν) является для иоанновской церкви возвышенным титулом Иисуса.

перспективы. В иоанновских кругах, таким образом, акцентируется сильная иудейская привязка небесного Христа применительно к Его происхождению и характеру, а от обновленной давидовской роли Церковь ожидала того же, что и от Давида: свободного царства, свободной жизни, новой блаженной будущности, а также сдерживания врага, или даже его наказания¹⁶.

3.5. Творение и эсхатология (обозначения исторических «пределов»)

Творение как начало истории и эсхатология, которая указывает в земном измерении на конец, для христиан, живших на рубеже I и II вв., обрели свою «полноту» во Христе. Ветхозаветное провозглашение Исаяи, согласно которому Бог есть Первый и Последний (Ис 44. 6), исполнилось в небесном Христе, ибо, хотя Иоанн относит его и к Богу, прежде всего этот титул характеризует Христа. Христос есть *Начало и Конец* (ἡ ἀρχὴ καὶ τὸ τέλος: 22. 13), *Первый и Последний* (ὁ πρῶτος καὶ ὁ ἔσχατος: 1. 17; 2. 8; 22. 13), *Альфа и Омега* (τὸ Ἄλφα καὶ τὸ Ὠ: 22. 13). Можно сказать, что это суть обозначения исторических «пределов». Ибо для Церкви как в Боге (1. 8; 21. 6), так и во Христе заключены начало и конец всего: мира, жизни, истории. Он есть Творец, Создатель, Вождь и Совершитель всего; все берет в Нем свое начало и все возвращается к Нему. Подобно тому, как Иисус присутствовал при начале творения (ибо Он есть *Начало создания Божия*: 3. 14), Он будет присутствовать и при конце, ибо Он есть Грядущий (1. 4; 4. 8; 11. 17). Поэтому Церковь – хотя ее нынешние страдания и велики – может с полным упованием смотреть в будущее, где небесный Христос ждет ее в обновленном мире.

Во всех образах (титулах) есть нечто возвышенное, величественное, но одновременно и страшное и полное напряжения, потому что в той или иной форме каждый из них связан со властью: либо с жестокой бранью, либо с жизнью-смертью, либо с правосудием, либо с кровавой местью.

3.5. Апокалиптическая символика животных: Иисус как Агнец

В Апокалипсисе – можно было бы сказать: как и подобает настоящей апокалиптической литературе – представлена богатая символика животных. Один за другим предстают перед нами различные подлинные или сказочные звери, чудовища, уродливые фигуры, мифологические образы зверей¹⁷. Подробно останавливаться на их описании мы не будем. Суть в том, что эти страшные мифические звери в иоанновской апокалиптике играют безобразную роль: они являются представителями мрачного демонского мира, ведущими борьбу с Церковью Христовой и верными. В своем безбожии они доходят до того, что объявляют войну Богу и Его святым.

На этом фоне раскрывается самый удивительный образ апокалиптического Христа – *небесный Агнец*, обозначающее Которого слово ἀρνίον употребляется только в иоанновском богословии, а в специфическом смысле только в Апокалипсисе¹⁸. Его значение: ягненок, молодой баран («барашек»). Это символ

¹⁶ Кризис этих давидовско-мессианских упований в иудействе той эпохи оказался, в конце концов, самым крупным и трагическим конфликтом между Иисусом и иудейскими течениями.

¹⁷ Ср. Peres I. Kerberosz. In: Vallástudományi Szemle 4 (2008/1). P. 75-92.

¹⁸ В этой книге в общей сложности 28 раз: 5. 6, 7, 8, 12, 13; 6. 1, 16; 7. 9, 10, 14, 17; 12. 11; 13. 10, 11; 14. 1, 4, 10; 15. 13; 17. 14; 19. 7, 9; 21. 9, 14, 22, 23, 27; 22. 1, 3. Новозаветные писания для обозначения Агнца как богословской категории чаще используют слово ἀρνός. Ср., напр., Ин 1. 29, 36; Деян 8. 32; 1Пет 1. 19.

незащищенности, кротости, послушания и верности. В Апокалипсисе мы видим Агнца одновременно в нескольких ролях, и эти роли могут иметь различное (символическое) значение: от проливающего кровь и убивающего Всадника до нежного небесного Жениха.

Вероятно, что за символом Агнца стоит слияние нескольких мотивов. Здесь могла сыграть свою роль ветхозаветная культовая практика в качестве аналогии жертвенного акта (пролитие крови, искупление, прощение грехов), но в большей мере, скорее, богословие страдающего Раба Исаяи (Ис 53), решающим образом повлиявшее на богословие древней христианской Церкви¹⁹. Справедлива ссылка и на то, что уже в Первой книге Еноха (89) есть указание на Агнца, Который принимает мессианскую роль: таковы Моисей, Самуил и Давид. А в Завещании Иосифа (19. 8 – 11) мы читаем: «Среди рогов я видел Деву, одетую в пеструю одежду, она родила Агнца... и все звери набросились на него, но Агнец победил их и уничтожил»²⁰.

Представление Тайнозрителем небесного Агнца осуществляется в серии видений, и оно меняется едва ли не в каждой главе. **1.** Сначала мы видим Его как *закланного Агнца* (5. 6, 7, 8, 12, 13), Который оказывается в центре небесного поклонения: в Его честь Церковь воспевает гимны (5. 9 – 13). **2.** В других случаях Он оказывается протагонистом снятия печатей (6. 1, 16), когда бедствия одно за другим обрушиваются на землю: здесь перед нами *гнев Агнца* (ὄργη τοῦ ἀρνίου), когда Он осуществляет суд над врагами мира/космоса и Бога. **3.** Сюда может быть отнесен и образ *воинственного Агнца*, Который сражается против поднявшегося из бездны зверя и его союзников и побеждает их (17. 14). **4.** Этот ряд может быть дополнен и фигурой *Агнца в виде Всадника на белом коне* (6. 1 – 2), у Которого в руках лук, на голове венец, и Который вышел, чтобы победить. **5.** В другом моменте (возможно, параллельно предшествующим картинам) Агнец защищает своих: *утешает скорбящих*, ведет утомленных к небесному месту прохлады и отдохновения (к живым источникам вод) (7. 9, 10, 14, 17). Он вручает им омытые Его кровью белые одежды и утоляет всякую их боль, что является выражением их спасения (σωτηρία). **6.** Другой образ представляет Агнца-Христа как Того, в Чьей *крови – сила и победа* Церкви (12. 11): ею можно победить дракона-сатану. **7.** Важна роль Агнца и в *ведении книги жизни* (13. 8; 17. 8; 21. 27), которой он обладает от создания мира²¹: Он вписывает в нее и хранит в ней тех, кто верует в Него и следует Ему, – таковые предназначены к жизни в Его царстве. **8.** Агнец занимает особое положение на *небесном Сионе* (14. 1, 4): он собирает там избранных Своего народа, своего рода элитное общество, первенцев Богу (символически: 144000). **9.** В череде сменяющихся образов Иоанна мы видим почти что интимную картину того Агнца, Который в качестве небесного Жениха ожидает на *брачную вечерю*²² (19. 7, 9) Свою приготовившуюся Невесту – Церковь, чтобы эту Невесту, называемую и Женой (21. 9), возвысить к Себе в небесный святой город Иерусалим. **10.** Агнец в небесном Иерусалиме занимает выдающееся положение: вместе с Богом Он образует его *храм* (21. 22), который является предметом поклонения всех собравшихся там верующих. Агнец является там *светильником* (21. 23). Там расположен их совместный с Богом *престол* (22. 1,

¹⁹ Bolyki J. A Jelenések könyvének magyarázata. Budapest, 1983. P. 55.

²⁰ Ср. Bolyki J. A Jelenések könyvének magyarázata. P. 55

²¹ Peres I. Isten mennyei könyvei. In: Vallástudományi Szemle 3 (2007/1). P. 68-82.

²² Peres I. Eszkatológiai asztalközösség. In: Ostium in Caelo. Jubileumi kötet dr. Bolyki Janos teológiai professzor 75. születésnapjára. Békési S. (ed.). Budapest, 2006. P. 75-82.

3), из которого исходит река воды жизни и где они будут царствовать во веки веков (22. 5). **11.** Тайнозритель Иоанн знает и о том, что появится *ложный Агнец* – замаскированный зверь: он вышел из земли, у него два рога, подобные агнчим, но говорил он, как дракон (13. 11). Он совершал великие знамения и обольщал живущих на земле, но его число было сочтено: 666.

После рассмотрения образов небесного Христа, мы можем, подводя итоги, сказать вместе с Фердинандом Ханом²³, что для автора Апокалипсиса по-настоящему интересны три аспекта Иисуса, а именно: Его смерть, Его превознесение как Господа и Его роль Судьи, а также Носителя и Совершителя спасения. В то же время мы могли видеть, что предсуществованию и человеческому существованию Иисуса в Апокалипсисе не отведено доминирующей роли.

4. Более апокалиптические изображения Христа

Помимо рассмотренных в предыдущем разделе образов Христа мы встречаемся в Апокалипсисе и с тремя такими образами, которые имеют совершенно апокалиптический вид. Переходим к их рассмотрению.

4.1. Христос как Сын Человеческий – в священническом варианте

Фрагмент Откр 1. 12 – 16 целиком посвящен повествованию о том, как Тайнозритель видит посреди золотых светильников фигуру подобного Сыну Человеческому²⁴. Эта фигура величественна и имеет апокалиптический вид: голова и волосы подобного Сыну Человеческому белы, Его очи подобны пламени огня, из уст Его исходил обоюдоострый меч, и лицо Его – как солнце, сияющее в силе своей. Он был одет в подир и по персям был опоясан золотым поясом²⁵. Видение являет, по всей вероятности, (перво)священническую фигуру²⁶, вид которой блистателен, но «шумное» достоинство²⁷ которой вызывает страх²⁸. Оно

²³ Hahn F. Theologie des Neuen Testaments I. Tuebingen, 2005. S. 460.

²⁴ Первая часть образа очень близка описанному в Дан 7. 13. Для Иоанна увиденная фигура означала Иисуса, Который как Мессия и превознесенный Господь в полноте божественного величия является предметом церковного поклонения.

²⁵ Описание небесного Сына Человеческого полно образов и символов, которые были понятны иоанновской церкви и которые она осмысляла в своей апокалиптической системе образов. Для нас разгадка этих образов не всегда оказывается легкой. Его белые как волна волосы могут символизировать вечность (Дан 7. 9); подобные огненному пламени очи могут означать всеведение (Дан 10. 6); если его ноги подобны халколивану, как раскаленные в печи, то это может указывать на Его постоянство и неизменность (Дан 10. 6); Его голос, подобный шуму вод многих, может скрывать за собой проявление потрясающей божественной мощи (Иез 43. 2); семь звезд здесь могут означать господство над миром, потому что и римские императоры любили изображать себя с семью звездами в руке; обоюдоострый меч может символизировать абсолютное судебное полномочие апокалиптического Христа (Ис 49. 2).

²⁶ Ср. Дан 10. 5. Lohmeyer E. Die Offenbarung des Johannes. Tuebingen, 1953. S. 17. Этот внешний вид можно, однако, определить и так, как это делает Вернер Пфендсак: он комбинирует образы царя и первосвященника и считает, что небесный Христос появляется как царский первосвященник или первосвященнический царь. Pfendsack W. Derr Herr ist nahe. Eine Auslegung der Kapitel 1-11 der Offenbarung des Johannes. Basel, 1963. S. 26.

²⁷ По поводу этого блистательно-шумного божественного величия ср. несколько пророческих видений Ветхого Завета (напр., Дан 7. 9, 13; 10. 5, 16; Иез 1. 24; 43. 2).

дает понять, что исходящий из уст подобного Сыну Человеческому обоюдоострый меч является символом правдивой, «острой» речи, и все остальные Его проявления также воплощают приговор человеческой лжи, лукавству и испорченности. Видно, что эта фигура подобного Сыну Человеческому будет распоряжаться относительно дел семи малоазийских церквей, потому что в деснице ее находятся семь звезд, которые символизируют семь малоазийских общин. Видно, что «(перво)священнический Сын Человеческий» готовится произнести суд над Церковью. Своим достоинством и Своей строгостью он хочет достигнуть очищения Церкви.

Иоанн отождествляет Сына Человеческого с Христом и представляет Его общинам как Того, у Кого на каждый случай есть особая весть. Небесный Христос высказывается по поводу состояния общин, приводит положительные примеры, но тут же указывает и на отрицательные явления. Он произносит предостережения и призывает к исправлению и покаянию. Ни в одном послании не отсутствует призыв к терпению, при этом провозглашаются прекраснейшие эсхатологические обетования. Таким образом, страшный Сын Человеческий, в конце концов, выказывает желание спасти общины подлинной любовью и нежностью от внутренних и внешних опасностей и подкрадывающегося греха для обетованного будущего.

4.2. Христос как Сын Человеческий – в варианте Судьи мира

Откр 14. 14 – 20 предлагает описание сидящей на белом облаке апокалиптической фигуры. Она тоже подобна Сыну Человеческому. На ее голове золотой венец, в ее руке острый серп, который она впоследствии повергла на землю, и земля «была пожата». После этого и другой ангел также с помощью серпа осуществляет сбор винограда на земле, так что кровь достигла узд конских. Эта роль Сына Человеческого, несомненно, означает осуждение мира, которое Он осуществил или которым управлял из высших небесных сфер. Высокий уровень крови призван выразить масштаб ужасов гибели. Эта апокалиптическая роль Сына Человеческого однозначно направлена против внецерковного грешного мира.

4.3. Христос – в виде воинственного Всадника

Откр 19. 11 – 16 (ср. также 6. 1 – 2) представляет такого небесного Христа, Который сидит на белом коне, Его одежда обагрена кровью, на Его голове много диадем, очи Его как пламень огненный, из уст Его исходит острый меч, а на бедре Его написано: Царь царей и Господь господствующих. Его титул: Верный и

²⁸ Этот апокалиптический или небесный Христос очень похож на изображаемую в греческих святилищах и на статуях большую фигуру Зевса, который часто сидит в величественном плаще на большом престоле, держа в одной руке меч (вокруг которого несколько звезд), а в другой земной шар. Его взгляд при этом остр, а от головы исходят лучи. Ср. документацию изображений в: Cook A. B. Zeus: A Study in Ancient Religion I-III. Cambridge, 1925. На одном рельефе Зевс изображен как солнце, то есть как бог солнца (что представляет собой частое явление в культе Зевса), из головы которого исходят сильные лучи. Согласно надписанию рельефа, *Зевс непобедимый бог солнца*: Ζεὺς ἀνίκητος ἥλιος θεός (Cook. Zeus I. P. 193). Не исключено, что образ небесного Христа в Апокалипсисе несет в себе такие символы мирового господства, хотя бы в качестве тихой конфронтации, которая применительно именно к малоазийскому региону была бы вполне понятной (ср. почитание Зевса и полемику с ним апостолов: Деян 14. 8 – 14!); Peres I. A vallástudomány a teológia spektrumában. In: Vallástudományi Szemle 4 (2008/4). P. 65-74.

Истинный, ибо Он праведно судит и воинствует. Это видение однозначно представляет нам Всадника, отправляющегося на бой, за Которым следуют небесные воинства на белых конях и в белых одеяниях, чтобы поразить народы и излить горькую ярость Божию. Исходящий из Его уст острый меч здесь указывает не на речь, а на непобедимое оружие, которое будет применено против врага. Фигура небесного Христа в этой сцене представляет апокалиптического Воина, выходящего на битву с народами, и однозначно направлена против народов, преследующих Церковь (то есть против элит римского общества). Роль Христа как Всадника и Воина здесь заключается в строгом осуждении и является орудием гнева Божия.

Рассматривая эти полные ужаса картины, мы вынуждены задаться вопросом: почему Иисус сражается столь беспощадно, и почему Его фигура несет столько ужасов? Ответ: потому, что и враг столь же ужасен и сам обходится с Церковью неласково, буквально ходя по коленам в крови. Ведь уже рождение Иисуса происходило столь же драматично, с кровопролитием (ср. Откр 12). Не случайно, что одновременно с видениями небесно-апокалиптического Христа рождаются видения безжалостного и хитрого антихриста (зверя): чем большие злодеяния антихрист совершает по отношению к Церкви, тем более справедливое отмщение за Церковь совершает небесный Христос. Это окончательное эсхатологическое изменение мира уже не есть время «нежной любви», а время окончательного правосудия Божия и распространяющейся на весь космос манифестации Его славы. Иоанновская церковь верою ожидает этих вещей и даже, если это возможно, охотно ускорила бы их. Понятно поэтому, что с течением времени она создает все больше апокалиптических образов для своего ободрения и утешения и все более жаждет апокалиптической справедливости небесного Христа.

Однако мы должны обратить внимание и на то интересное соображение, которое высказал Дэвид Л. Барр²⁹ относительно роли небесного Христа/Агнца в предостережении Своей Церкви: Иоанн, описывая ужасы, живописует зверя самыми страшными картинами, в которых проявляется безнравственность и кровожадность последнего. Все это относится к Риму и римской власти, с которой руководители Церкви или ее жаждущие успеха члены с удовольствием вступили бы в альянс. Иоанн описанием ужасов и мерзостей разоблачает эту являющуюся предметом изумления римскую власть и показывает, что с ней сделает Христос (и, очевидно, с теми, кто ее обслуживает или преклоняется перед ней). Он ставит Христа в такое апокалиптическое положение для того, чтобы утратить руководителей и теплохладных членов Церкви, и те не поклонялись Риму, а приняли на себя полноценный подвиг веры – против Рима каждый на своем уровне. Ибо эсхатологическое будущее принадлежит тому, *кто побеждает* и не смешивается с великой блудницей (напр., и с Иезавелью).

Этот взгляд можно считать очень интересным, и при рассмотрении апокалиптического Христа мы можем не без пользы задуматься над ним.

5. Религиозно-исторические параллели небесного Христа

²⁹ Ср. Barr D. L. The Lamb Who Looks Like a Dragon? Characterizing Jesus in John's Apocalypse. In: The Reality of Apocalypse: Rhetoric and Politics in the Book of Revelation. D. L. Barr (ed.). Leiden-Boston, 2006. P. 206-209.

Мы вынуждены задаться вопросом, откуда происходят эти богатые образы, фигуры, позы, украшения и формы, в которых Иоанн выводит на сцену небесного Христа. Рассматривая происхождение небесного Христа, помимо указаний Иисуса о Самом Себе и материала апостольских писаний, о которых мы уже говорили, наиболее очевидным источником мы должны признать Ветхий Завет, затем иудейский культ и богословие, в том числе и апокалиптику.

Иудейская межзаветная литература представляет нам целый ряд таких спекулятивных фигур³⁰, которые завоевывают все больше места в апокалиптической мысли в качестве мессий, со-мессий, сынов человеческих, эсхатологических владык, апокалиптических пророков, священников, царей, рабов Божиих, богочеловеков, избранных, помазанников и наделенных прочими титулами лиц. Однако можно убедиться, что с ними, – хотя они могут играть важную роль в осуществлении суда Бога или в защите Его народа и восстановлении вечного царства, – Бог после этого восстановления не разделяет без остатка Своей славы и не принимает их к Себе в «соправители»³¹. Символика этих фигур наполняется все большим числом небесных мотивов и в них все больше трансцендентности, но все же их влияние на т. н. реальную эсхатологию в рамках христианской апокалиптики представляется минимальным. Фигуры иудейской апокалиптики появляются или на слишком низких уровнях небесной сферы, или же иудейское благочестивое воображение выдвигало их на слишком легендарные космические высоты для того, чтобы они могли представлять подлинное решение для христианской апокалиптики.

С гораздо большим основанием можно предполагать, что в формировании образов небесного Христа наиболее действенную роль сыграли переплавленная ветхозаветная эсхатология и греко-римское общественное и культово-мифологическое устройство. Ведь в иудействе доминирующую роль играли (перво)священник, мессия, царь, в римском правовом мире – судья, в государственном управлении – император, или цари, в военном деле – полководцы и генералы. Таким образом, мы не без оснований можем предполагать, что все эти (про)образы посредством некой трансформации проявляются в изображениях Христа в Апокалипсисе.

Для нас, однако, существенным является не источник или фон, а то цельное эсхатологическое видение, которое, обрисовывая образы Христа, желает дать гонимому (иоанновскому) христианству многогранную и конкретную христианскую надежду.

6. Почему Церковь ожидала апокалиптического Христа?

В конце нашего анализа закономерно возникает самый существенный вопрос. Почему Церковь ожидала апокалиптического Христа? Почему не земного Иисуса?

³⁰ В новейшей венгерской литературе хорошее резюме по данному вопросу предложено в: Kustár Gy. *Messiási váradalmak az intertestamentális korban*. In: *Kezdetben volt az Ige*. Tanulmánykötet Lenkeyné Semsei Klára tiszteletére. Peres I (ed.). Debrecen, 2011. P. 327-351 (здесь 333-341).

³¹ Совсем по-другому обстоит дело со Христом. Не следует удивляться тому, что небесный Христос находится в абсолютно «партнерских» отношениях с Богом, которые в Апокалипсисе представлены как прекрасные и мирные. Бог разделяет с Ним Свой престол и господство. При этом нельзя отрицать, что в то время как Христос равноправен Богу, в описаниях все же чувствуется Его подчиненное и послушное положение по отношению к Нему. Это положение вовсе не принижает достоинства небесного Христа, или Агнца, перед лицом Церкви или сонма небесных сил.

Доброго Пастыря (Ин 10) или кроткого и смиренного сердцем Наставника (Мф 11. 29)?

Усиление мотива апокалиптического Христа, возможно, возникает на том фоне, что Церковь вынуждена принять вызывающую опасность реальность: пришествие Христа не только запаздывает, но, может быть, и откладывается, или, по крайней мере, оно произойдет нескоро. И здесь мог возникнуть тревожный вопрос: что будет с Церковью? До каких пор ее будет мучить безбожная власть? Почему Христос не приходит и если Он придет, каким Он должен быть? Как Он должен осуществить правосудие в связи со злодеяниями и террором в отношении Церкви? Как Он должен поступить, чтобы не только спасти Церковь, но и принести ей удовлетворение? Ответ: так, чтобы и у врага пролилось столько же крови, что и у Церкви; чтобы бедствие достигло узд конских. Об этом небесный Христос позаботится Своей властью и силой – и еще во время Церкви, хотя и в зоне поворотной точки. Если Христос поступит так, тогда можно перетерпеть задержку парусии, потому что ожидание гарантированного правосудия тоже дает силу для терпения.

Таким образом, видения и представления небесного Господа как апокалиптического Христа могли, в известном смысле, послужить для страдающей Церкви заменой парусии.

Проф. Имре Переш
Дебреценский Реформатский Богословский Университет
Кафедра Нового Завета
peres.theoluni@drhe.hu